

Экологическая география интересуется «социальными» слагаемыми растительного покрова, в виде так называемых сообществ, и стремится понять организацию их элементов и их самих, взятых в целом как результат воздействия среды. Особенное внимание при этом обычно уделялось у нас почве; по Краснову, геоботаника есть учение о связи между почвой и растительностью.

«Геоботаника» в последнем смысле¹, — почвенная геоботаника, — усиленно культивировалась у нас «земскими» и «переселенческими» экспедициями и привлекает к себе много внимания до сих пор, к сожалению, в ущерб рупрехтовской геоботанике и, следовательно, флористической географии растений. Эти две отрасли поэтому остались забытыми и в популярной литературе.

Отдавая должное «почвенной геоботанике», как такой отрасли географии растений, которая имеет практические перспективы, мы должны помнить, что она еще не составляет всей географии растений и не в состоянии дать полного понимания особенностей растительного покрова. И если экологическая география связана с сельским хозяйством и лесоводством, то генетическая география, с ее геолого-историческим подходом к природе важна для выработки и упрощения эволюционного миропонимания.

Первый зачаток генетической географии организмов заключается в 12 и 13 главах «Происхождения видов» Дарвина. И пока жив и развивается дарвинизм, должна жить и развиваться эта дарвинистская отрасль знания.

Итак, читатель,

Позволь хоть малую страницу
из книги жизни повернуть!

¹ Иногда геоботаникой называли географию растений в целом (Грибова, Голенкин).

II. Загадка горных боров и „меловой“ флоры

В южной части Восточно-Европейской равнины сосновые леса встречаются лишь островами, т. е. в виде изолированных друг от друга участков (см. рис. 1).

Такие острова чаще всего раскинуты на песчаных, низменных пространствах, которые занимают надлуговую террасу левобережья местных рек. Но, кроме того, незначительные сосняки известны и на каменистых склонах, например на выходах мела и известняка, и в таком случае сопровождают правые возвышенные, или «горные», берега рек и балок или логов (см. рис. 2).

Подобные обрывы, холмы и т. п. на фоне нашей равнины производят впечатление миниатюрных гор. Местное население издавна привыкло называть их этим именем¹. Поэтому, в отличие от низинных, песчаных боров, боры, которые венчают наши скромные возвышенности, можно условиться называть «горными борами». Ниже мы убедимся, что имеется и еще ряд обстоятельств, говорящих в пользу целесообразности подобного, предложенного **Д. И. Литвиновым** наименования.

Классическими областями «горных» боров у нас являются южная часть Алаунской или Среднерусской возвышен-

¹ Например меловые холмы, где стоит Белгород, в древности назывались Амадокскими горами (впрочем это название может быть относилось к Донецкому краю; ср. *Литвинов* (1895), стр. 19 и *Танфильев* (1916), стр. 15). Известная в истории Жестова гора (южнее Н. Оскола) есть меловой холм на левом берегу р. Оскола и т. д.

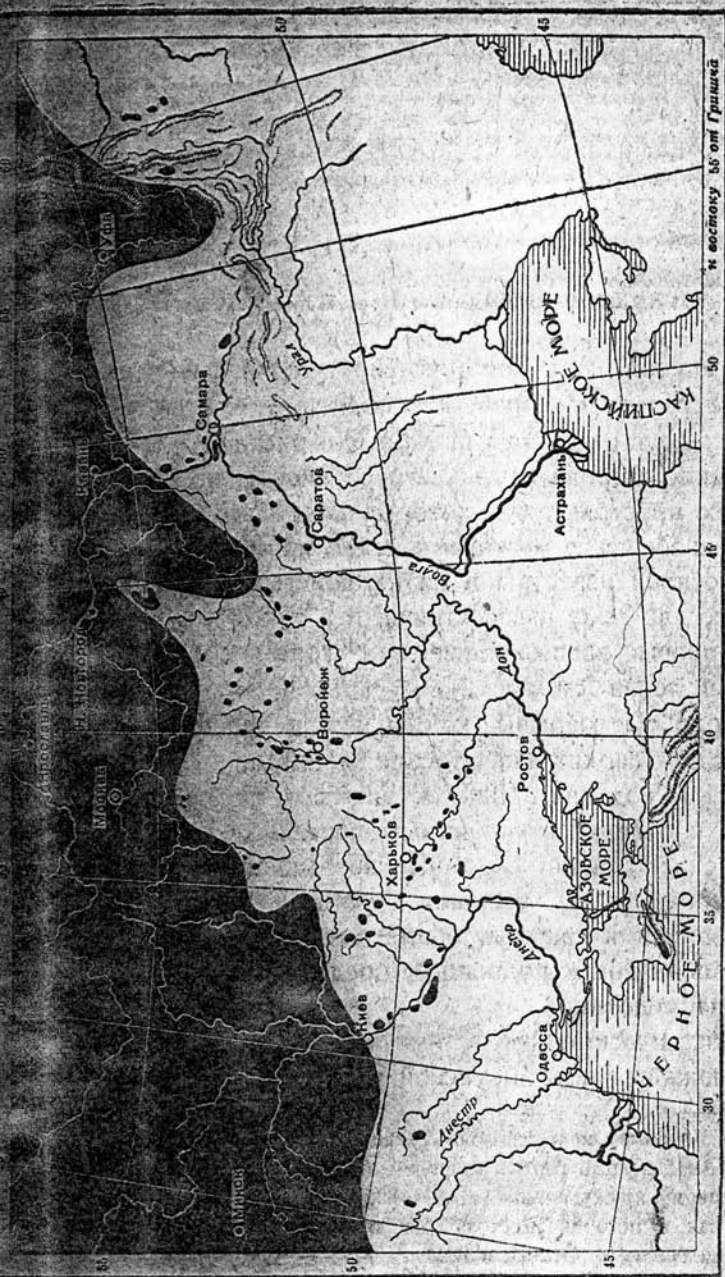

Рис. 1. Карта сплошного (черная полоса) и островного (черные пятна) распространения сосны по Келлену.

ности и возвышенность, сопровождающая правый берег Волги. Кроме того, такие боры отмечены были близ Новой Александрии, восточнее Люблина и Дубно, в южной части Уральского хребта.

В дальнейшем изложении наше внимание мы сосредоточим на горных борах и их дериватах (т. е. на том, что из

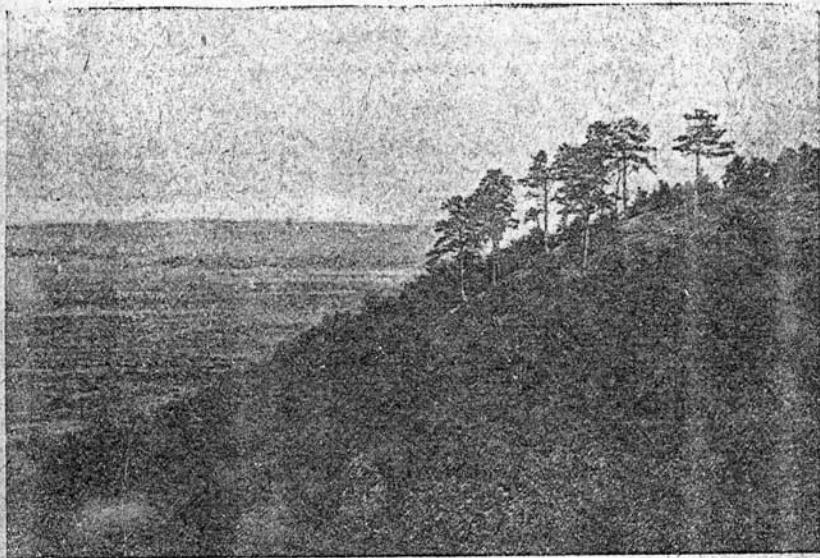

Рис. 2. Горный бор на коренном берегу р. Оскола.

них произошло с течением времени), свойственных Среднерусской возвышенности. Это потому, что у автора имеется свой материал наблюдений по этой области. Но мы вправе так поступить. Интересующее нас явление здесь развито вполне типично, изучалось более чем где-нибудь, и в этом изучении принимали участие главные теоретики «проблемы горных боров».

Среднерусская возвышенность в настоящее время несет на себе горные боры в своей южной части, а эта часть — примерно южнее широты г. Тима — есть район массовых выходов мела. Выходов известняков здесь почти нет. Их район

простирается севернее, главным образом в пределах б. Орловской губернии. Таким образом мы здесь имеем дело с той разновидностью горных боров, которую можно назвать *меловыми борами* (см. рис. 3).

Рис. 3. Меловой бор на р. Полатовке.

Точнее говоря, меловые бору привязаны к юго-востоку мелового района Среднерусской возвышенности. Но есть основание предполагать, что раньше они существовали и севернее, например, к востоку от г. Тима, в верховьях р. Оскола, и что, кроме того, прежде на Среднерусской возвышенности имелись еще, так сказать, известняковые горные бору, уходявшие значительно севернее (например, на Галичьей горе¹).

¹ Об этом знаменитом в науке месте см. литературу на стр. 52.

Кеппен в обширном труде по географии древесных пород России пришел к такому выводу главным образом на основании названий местностей: Бор, Борки, Боровка и т. п. Строго говоря, к этому способу восстановления прежних картин природы надо относиться с осторожностью¹. Но в данном случае он подкрепляется, по крайней мере в некоторых местностях, ботаническими данными: произрастанием в них кое-каких несомненных или возможных спутников «горных» боров, хотя бы самой сосны совершенно и не осталось².

Сосна, свойственная нашим меловым борам, была описана еще в середине прошлого века харьковским ботаником д-ром Калениченко³ за особый, эндемичный, т. е. свойственный ограниченной области, вид: сосна меловая (*Pinus cretacea*). В качестве отличительных признаков «меловой» сосны от обыкновенной «песчаной» указываются, главным образом, более короткая хвоя и более овальные, а не конусовидные (свойственные первому виду) шишки. По форме кроны меловая сосна обыкновенно имеет сходство с итальянской сосной—пинией, ландшафтным деревом некоторых стран Средиземноморья (см. рис. 3 и 4).

Однако большой специалист по лесным породам, проф. В. Н. Сукачев, в «классическом» местонахождении⁴ (Бекаряковка, б. Курской губ.) находил в нижних частях меловых склонов такие деревья, у которых хвоя не только не была короче, а даже превосходила длиною хвою «песчаной» сосны. Форма же шишек—явление случайное, лишенное по-

¹ Боровкой, например, теоретически рассуждая, может называться деревня, выдающаяся свиноводством или представляющая колонию-выселки из местности, где действительно имеется сосна. Корень „бор“ можно произвести и от „брать“; „борками“ могут называться места, где население что-нибудь берет, например мох для конопаченья стен, строительный лес, хворост, мел и пр. Ср. *Haussrath* (1903).

² О спутниках сосны см. *Спрэйн* (1908).

³ См. о нем *Талиев* (1911).

⁴ Классическим местонахождением (*locus classicus*) в ботанике называют то место, откуда данный вид был впервые описан.

стоянства. Не нашел Сукачев и микроскопических различий, исключая то обстоятельство, что годовичные кольца меловой сосны большей частью уже, чем у песчаной¹.

Рис. 4. Общий вид меловых сосен на р. Осколе.

Во время экскурсий в меловом районе приходится слышать от местных жителей, что попытки выращивания сосны на мелу из семян обыкновенной, песчаной сосны будто бы кончаются неудачей. В одном месте (совхоз б. усадьбы Лопатинских близ Конопляновки на Осколе) для разведения бора на меловой горе был применен будто бы такой способ; в большие ямы перед посадкой насыпали песок.

Нельзя обойти молчанием и такого факта, что, при наличии сосны на песчаной террасе, она может совершенно отсутствовать на соседствующих меловых горах и обратно. Это-

¹ См. Сукачев (1903), стр. 100; ср. Волиф (1925), стр. 152; Андреев (1925), стр. 76.

го, вероятно, не было бы, если бы песчаная сосна (resp. меловая) могла легко заселять меловые купола (resp. пески).

С другой стороны, в северной, лесной полосе, например, в Центрально-промышленной области известняковые склоны по берегам рек если только покрыты лесом, то всегда лиственным, а не сосновым, хотя бы кругом было царство хвойного леса¹.

У некоторых лесных пород, например ясеня, уже известны почвенные расы, в том числе и меловая². Если у меловой сосны морфолого-анатомические признаки не представляются пока четкими,—это еще не так много значит.

«В современных систематических изысканиях, — пишет такой авторитет, как *Пачоский*, — мы должны обращать особенное внимание на то, разница чего вовсе не принималась в расчет. Почему особое место обитания, иное географическое распространение, иное время развития, иной облик (габитус) и т. д. не такие же *положительные* признаки, как, например, пушнейность или остистость чешуй (у злаков)? Не слишком ли мы уже много уделяли внимания этим грубым морфологическим признакам? Не пора ли уже морфологический принцип описательной ботаники сменить принципом расовым и с этою целью выдвинуть на сцену не только морфологию, но и решительно все, что нам дает возможность разобратся в генезисе и расовой независимости современных растительных типов?»

Вопрос о том, не представляет ли меловая сосна, по крайней мере, длительной модификации³—т. е., так сказать, «временно наследственной» формы, возникшей под прямым воздействием внешних условий,—приходится считать едва ли не открытым.

¹ *Литвинов* (1891), стр. 4.

² *Münch und Dietrich* (1925).

³ *Пачоский* (1907), стр. 160. Подробнее см. позднейшие книги того же автора, особенно 1929 г.

⁴ О длительных модификациях см. *Hammerling* (1929).

Необходимо самому видеть огромные пространства голого мела, нависшие над железными и грунтовыми дорогами, меловые кручи и т. п. детали ландшафта на юге Среднерусской возвышенности, чтобы оценить значение вопроса их облесения. Совершенно ясно, что здесь должна быть использована сосна — она хорошо возобновляется на голом мелу (!), — причем весьма важно было бы выяснить истинную природу меловой ее формы, так как от этого зависит оценка ее практического достоинства.

Допустим, что сосна меловых боров тождественна в систематическом отношении с сосною песчаных пространств, т. е. обыкновенной сосной (*Pinus silvestris*). И в таком случае меловые боры представят большой интерес с точки зрения их местообитания, и этот факт произрастания при «ненормальной» обстановке потребует себе объяснения.

Значение этой «ненормальности» в образе жизни сосны существенно повысится, если принять во внимание следующие объективные признаки наших горных сосняков вообще, т. е. включая и меловые.

Во-первых, горные сосняки, в частности все наши меловые боры, приурочены главным образом к тем областям, которые не подвергались затоплению льдами в ледниковый период и, таким образом, являлись убежищами доледниковой и приледниковой растительности.

Во-вторых, такие места, которые были обойдены ледником, представляют возвышенности, заметные еще в те отдаленные времена, причем часть их, по крайней мере, представляет остатки древних горных хребтов, которые ранее могли иметь большую высоту.

В-третьих, места выхода мела и известняка могли быть заселены растительностью еще в третичное время. Можно думать, что этого рода субстрат был в третичное время распространен несравненно более, чем позднее, когда он оказался перекрытым позднейшими ледниковыми отложениями. С этой точки зрения существование сосны на песчаных речных террасах представляется явлением менее древним.

В-четвертых, в наше время обыкновенная сосна и отчасти ее родичи растут исключительно на каменистой почве в Крыму, на Кавказе, на берегах Средиземного моря, в Японии (см. рис. 5) — как раз в тех областях, где могли сохраниться

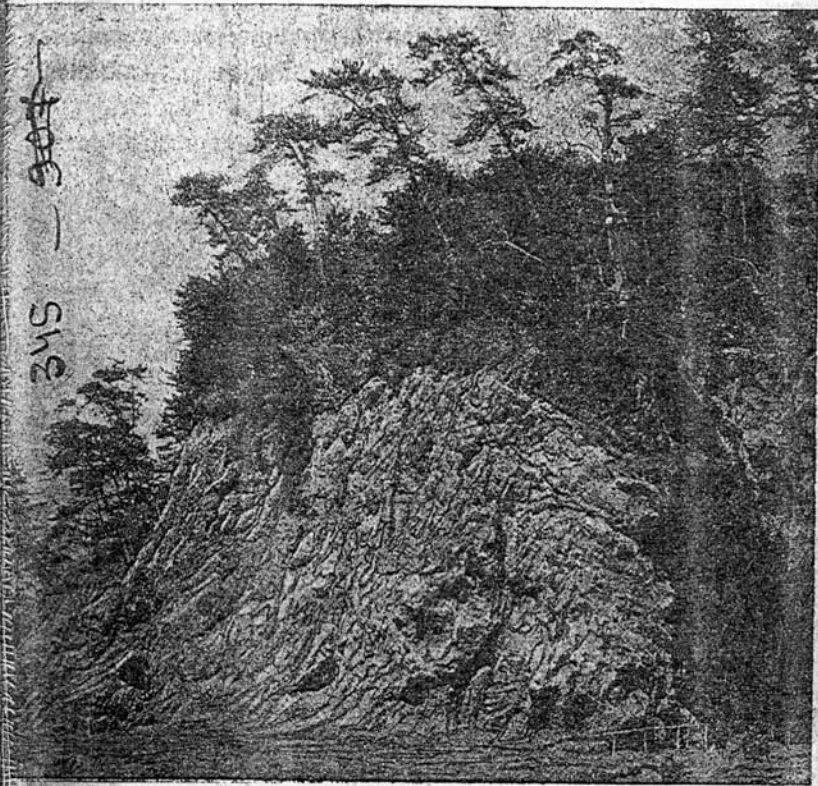

Рис. 5. Горный бор из тунберговой сосны на известняках Киу-Сиу (Япония).

есть древние картины природы, например, третичные комбинации. С другой стороны, сосна не редкость в горах всей Европы и северной Азии, где встречается тоже на каменистой почве, например, на отвесных известковых скалах (Юра). Таким образом, наши боры могут быть названы горными еще и в отношении этого сходства.

В-пятых, флора горных сосняков выдается замечательными особенностями. На этом необходимо остановиться подробнее.

Растительность южных песчаных боров, как известно, до некоторой степени представляет копию северных лесов, отзвук таежной зоны. Песчаные боры, невзирая на примесь специфических песчаных элементов флоры, могут рассматриваться как «экстразональное» явление, т. е. как нечто вроде выселок проходящей севернее лесной полосы.

Флора горных сосняков складывается из следующих категорий:

1. Обыкновенные для данной области лесные элементы.
2. Степные элементы.
3. Меловые элементы.
4. Боровые элементы.
5. «Загадочные» элементы — категория, которая будет охарактеризована ниже.

Первая категория не привлечет здесь нашего внимания. Вторая более неожиданна и могла бы составить характерную черту, если бы и в лиственных лесах, например, Среднерусской возвышенности, не встречалось тех же самых растений, выходящих степей. Категория мелолюбивых, короче говоря, меловых растений, представляет параллель «песколюбам» наших песчаных боров, — следствие особенностей почвы.

Одно время некоторые думали, что для горных сосняков характерно отсутствие типичных боровых растений. Однако, если это отсутствие и имеет место в отдельных случаях, то должно быть истолковано в качестве результата деятельности человека; в таком разе замечается количественное усиление категории мелолюбов, отчасти проявляющих склонность к образу жизни сорняков.

Категория боровых форм горного сосняка кажется, на первый взгляд, равноценной соответствующей категории песчаного бора. Однако дело обстоит не совсем так. Это потому, что эти боровые растения растут там и здесь при существенно различных условиях. Из таких растений, забра-

Шихся как бы не на свое место, для области, которой посвящены эти страницы, можно назвать грушанки (из сем. вересковых), в частности грушанку-боровинку (*Pirola secunda* L.), «олений мох» (из лишайников). На западе, в Польше, в условиях горных сосняков можно видеть даже такое не любящее извести и свойственное песчаным борах растение, как обыкновенный вереск.

Это произрастание в горных борах—в «ненормальной» обстановке—растений, обыкновенных в хвойных лесах более северной полосы и на песчаных приречных пространствах, приходится считать едва ли не столь же характерной чертой горных боров и ледниковых «убежищ жизни», как и присутствие самих «загадочных» растений, к рассмотрению которых мы подходим.

«Загадочные» растения, которые имеются в виду в данном случае,—это такие растения средней и южной полос РСФСР, которые или с точки зрения своего общего распространения, или родственных связей, или организации и образа жизни, или сочетания всех этих особенностей производят впечатление экзотических, чужеземных форм, чаще всего альпийского или арктоальпийского типа, т. е. свойственного высоким горам с вечным снегом или крайнему северу.

Замечательным свойством этих растений, выдающихся прерывистым распространением, является далее их явная приуроченность у нас, в Восточной Европе, к «наиболее возвышенным пунктам Русской низменности» — к Подольско-Волынской, Среднерусской и Приволжской (Жигули) возвышенностям, т. е. к местностям, в свое время не подвергавшимся постою ледников. Неудивительно, что участки распространения таких растений у нас большей частью совпадают между собой и вместе с тем и с областями горных боров.

Кроме форм с прерывистым распространением, наиболее значительные участки которого падают большей частью на горные области Западной Европы и Азии, здесь имеются эн-

демиты, т. е. более или менее узкоместные формы, что тоже несколько «загадочно». Эндемизм обыкновенно характеризует горные области с их разнообразием физических обстановок и условиями для изоляции (например, климатически разобщенные долины или вершины), т. е. с предпосылками для возникновения новых форм (видов) и соблюдения их обособленности. Кроме того, эндемизм обычен в древних областях,—древних в том смысле, что они в течение долгого времени не подвергались каким-нибудь переворотам, вроде оледенений, затоплений морем (трансгрессий) и т. п. катастроф и живые существа могли сохраниться в этих местах с незапамятных времен, лишь постепенно вымирая под более медленным действием обычной смены условий существования.

Подобные растения на Восточно-европейской равнине, относительно недавно затопленной отчасти морем (юг), отчасти ледником (север), представляются парадоксом природы.

Мы ограничимся приведением двух пояснительных примеров.

1. *Проломник мохнатый* (*Androsace villosa* L., сем. первоцветных). Альпийское растение с прерывистой площадью распространения. Главное распространение следующее: в альпийском и субальпийском поясах, в Кантабрийских горах Испании, в Пиренеях, Западных Альпах, на Юре, в юго-восточной части Восточных Альп, на Балканах, Апеннинах, в Восточных Карпатах, в горном Крыму, на всех азиатских хребтах от Малой Азии, Кавказа и Урала до Центрального и Северного Китая. В Сибири, однако, встречается ниже лесной зоны. Приводится еще для арктической Америки. Кроме того, на меловых горах в южной части Среднерусской возвышенности в пределах б. Курской, Воронежской и Харьковской губерний (особенно в бассейне р. Оскола); т. е. не только в классической области меловых сосняков и иногда в их пределах, но также в местностях, для которых можно допустить существование таких сосняков в прошлом. (См. рис. 18, 25).

Наиболее близкий вид (*A. Chamaejasme Host*) имеет сходное распространение, но растет еще и в арктическом поясе. Другие близкие виды—населники альпийского и субальпийского поясов снеговых гор Европы и Азии. Отечеством нашего вида считают Гималайский хребет.

Телосложение растения—явно альпийского типа (см. рис. 6). Оно образует компактные, приземистые подушки. Это способствует использованию солнечного тепла, понижает испарение и содействует накоплению воды, а также перегнойная, так что такие растения могут готовить почву для других, более взыскательных видов. Цветки очень многочисленны и относительно крупны. Здесь наличествуют многие характерные особенности типичных «ореофитов»¹, но мы не можем останавливаться на перечислении этих особенностей, да это и не нужно, так как читатель может найти материал во многих книгах².

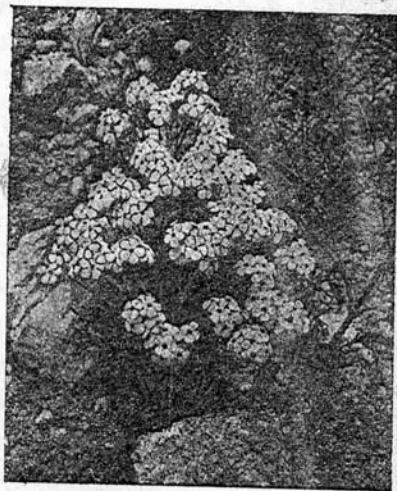

Рис. 6. Проломник мохнатый
(естеств. высота 8 см).

Насколько замечателен факт произрастания этого альпийца у нас, на Русской низменности, можно заключить по той осторожности, с которой относились и отчасти относятся к нему ботанико-географы. Когда составитель конспек-

¹ Термин, предложенный Дильсом (1910), S. 9, для обозначения характерных высокогорных растений.

² См., например, Кернер; Варминг. Большие подробности можно найти у Schroeter'a.

та курской флоры. Мизгер¹ вознамерился привести его для своей губернии (1869 г.), то академик Рупрехт затребовал у него образцы для проверки определения; но оно оказалось правильным. Несмотря на авторитет Рупрехта, Шмальгаузен, автор знаменитой «Флоры Средней и Южной России, Крыма и Сев. Кавказа» (1895), не верил, что в Курской губернии мог расти этот вид, «так как это есть альпийское растение»². Даже гербарные образцы не убеждали его, так как он подозревал путаницу этикеток. Позже другие крупные ботаники, проф. Кузнецов и Сукачев³, тоже проявили некоторое недоверие к данному факту. Наконец, в наши дни специалисты по роду *Androsace* проф. Кнут и Люди, говоря о распространении *A. villosa* L., умолчали об его произрастании на Русской низменности⁴.

Факт сопровождения «горных» сосняков ореофитами вновь говорит о заслуженности их эпитета.

2. Волчегородник Софьи (*Daphne Sophia* Kalen.) встречается в немногих местах б. Курской, Воронежской и Харьковской губерний, в районе, где три эти губернии соприкасаются на речках Нежеголе, Волчьей, Короче, Козинке, Осколе, Валуе, Полатовке и Айдаре (см. рис. 23). Это кустарник, несколько напоминающий сирень, а еще более бирючину (*Ligustrum vulgare*), с душистыми, белыми цветами (см. рис. 7). Впервые это растение было приведено (1822) в научной печати Шранком по экземплярам Черняева⁵ под именем волчегородника маслинolistного (*D. oleoides* L.). Настоящая *D. oleoides* L.—вечнозеленый, сходный по листьям с маслиной, вид Средиземноморской области, к востоку проникающий до Гималаев (в СССР—в Армении). Позднее выясни-

¹ Мизгер (1869), стр. 61. Впервые это растение было найдено у нас в б. Воронежской губ., в первой четверти XIX в. Геннингом и Черняевым; последним впервые упомянуто в печати (1859).

² Литвинов (1902), стр. 86.

³ Кузнецов (1901), стр. 119; Сукачев (1903), стр. 143.

⁴ Ludi (1926), стр. 805; Pax-Knuth (1905), стр. 237.

⁵ Schrank (1822), S. 644.

лось, что наше растение есть особый вид, весьма близкий к волчегонникам алтайскому и кавказскому (*D. altaica* Pall., *D. caucasica* Pall.), но достаточно сходный и с маслинолистным видом.

Вопрос о том, стоит ли его отличать в качестве самостоятельного вида от алтайской дафны, не раз перерешался. Авторы недавнего исследования на эту тему, Клоков и Котов (1927), стоят за положительный ответ. Во всяком случае, признаки отличия весьма незначительны. Алтайская дафна встречается в предгорьях Алтая, по скалам и каменистым склонам холмов (каменистая степь) и невысоких гор, не являясь, как видим, альпийцем. Есть указание на находку этого вида (или дафны Софии) еще в б. Оренбургской губернии¹. (См. рис. 19.)

D. caucasica Pall. встречается в лесном поясе кое-где на Северном Кавказе, главным же образом в Западном Закавказье и соседних местностях долины Куры (Карталиния, Кахетия, Сомхетия). (См. рис. 19.)

Признаки отличия этого вида от *Sophia* «самые незначительные»². По мнению лучшего знатока дафн, Кейссlera³, *Sophia* есть потомок кавказского вида, видоизменение последнего в связи с особенностями климата. Рассматривая *D. Sophia* как географическую расу от *D. caucasica*, ее можно назвать *D. caucasica Sophia*⁴.

Итак, «горные» боры представляют в высшей степени своеобразный элемент нашей природы. С ними, в частности с меловыми борами, связан целый ряд вопросов бота-

¹ Подробности об этом растении см. у Талиева (1911), Kozo-Polianski (1929).

² Сосновский, стр. 262.

³ Keissler (1898). S. 115.

⁴ Географическая раса есть комплекс неограниченно плодовых при скрещивании между собою и морфологически сходных (или различных лишь в рамках индивидуальной, экологической или сезонной изменчивости) особей, которые характеризуются наследственными признаками и в пределах распространения которых не встречается никакой другой географической

нической географии, комплекс которых может быть назван «проблемой горных (resp. меловых) боров».

Для того чтобы ее разрешить, необходимо «объяснить» следующие явления нашей природы.

1. Произрастание песчано-боровых растений,—прежде всего, конечно, самой сосны,—на мелу,—«ненормальное» для современной нашей природы местообитание этих форм, напоминающее страны горные или с древним складом растительности.

2. Произрастание «загадочных», т. е. редких, особенных, экзотических (чужеземных) растений вдалеке от их родины или «нормальной», привычной обстановки. В частности это касается нахождения у нас ореофитов—высокогорных растений вдалеке от гор, их «ненормальное» местонахождение. Необходимо оговориться, что, кроме настоящих ореофитов, т. е. растений альпийского и нивального (снегового) поясов снеговых гор, мы вправе называть горными растениями и такие, которые встречаются и ниже, в хвойном и лиственно-лесном поясах гор, так как и здесь сказываются горные условия — высота над уровнем моря, пересеченный рельеф, каменистый субстрат, близость вечных снегов и пр., что создает своеобразный, отличный от равнинного режим жизни.

3. Приуроченность всех этих растений у нас к мелам и известнякам (общность местообитаний).

4. Совместное нахождение боровых и «загадочных» растений, т. е. совпадение изолированных участков распространения растений той и другой категории (общность местонахождений).

расы того же цикла форм. Подобная географическая раса дает переходы к соседним расам или отличается от них столь незначительными признаками, что можно предположить общность их происхождения. Решение вопроса, достаточны ли различия для оценки тех или иных форм как видов или как рас, может быть произведено только специалистом. *Географические расы следует называть тройными латинскими названиями* (вместо двойных для видов).

Теорию географических рас см. у *Reinsch* (1929), откуда нами взято приведенное определение (S. 11).

5. Совпадение тех же участков не только между собой, но и с областями, которые были пощажены «великой зимой»,—великим оледенением Европы, т. е. оставались в периглациальной (внеледниковой) зоне.

Рис. 7. Волчегодник или дафна Софьи (на рисунке изображен для масштаба сантиметр).

6. Наличие эндемиков в равнинных условиях.

Эти явления «непонятны» для нас потому, что на первый взгляд они стоят особняком в нашей природе, вне связи с ее

обычной картиной, с естественным, привычным для нее ходом жизни.

Следовательно, чтобы «объяснить», необходимо привести в связь с «закономерной» природой эти «изолированные» явления, осветив их происхождение (генетическая связь) и причинность (каузальная связь).

Разрешению вопросов в этих плоскостях и будут посвящены следующие главы.

Теперь читатель знает, в чем состоит «загадка» меловых боров и, надеемся, с большим интересом взглянет на прилагаемые воспроизведения их фотографий. Жаль только, что лишенные красок и мелкие по кругозору они способны дать лишь очень бледное представление.

Там, в классической области меловых боров, небо по-южному синее, солнце ослепительно ярко. И вереницы обнаженных меловых куполов, резко выделяясь ослепительной белоснежностью, издали рисуются, как цепи снеговых гор.

Иллюзия еще усиливается в лунные ночи, когда небосвод образует черный фон, а горы как бы излучают фосфорическое сияние.

Где уцелел еще лесной плащ на меловых пиках, кажется будто леса поднялись выше снеговой линии. Тогда глаз невольно останавливается еще издали на высящихся над лиственной порослью группах меловых сосен, с их непривычной для южного ландшафта физиономией — темнозелеными кронами наподобие пиний и яркими — особенно при закате солнца — коричневыми стволами. А внизу, у подножия этой декорации, струится какая-нибудь холодная, быстрая речка — «колодез» наших древних географов — или красавец Оскол, попутный некогда Буй-Тур-Всеволоду в его походе на половцев или еще более исторический Северский Донец, по дугу которого когда-то «Игорь соколом полете, Влур волком потече, труся собою студеную росу»...

Не замечательно ли это, что берега Донца Северского в «Слове о полку Игореве» названы серебряными?

«О Донче! Не мало ти величия, лелявшу Игоря на волнах.... стлавшу ему зелену траву на своих сребренных брезех, одевавшу его теплыми мглами под сению зелену древу; стрещае его гоголем на воде, чернядьми на струях, чайцами на ветрах»

.....

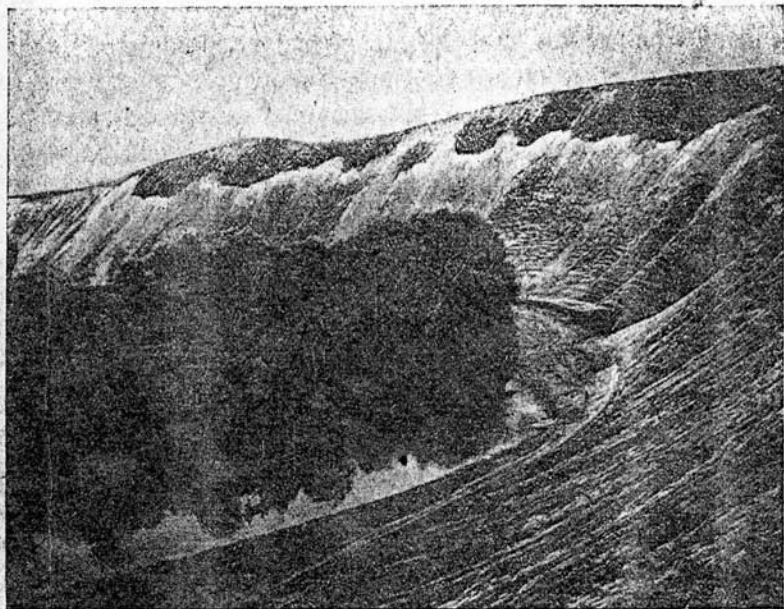

Рис. 8. Гора Бор на р. Юшиной-Козинке близ с. Петровского-Борок.

Итак, снежнобелый, синий, темнозеленый, золотисто-коричневый—вот те основные цвета, которые читатель должен нанести, хотя бы мысленно, на прилагаемые ландшафтные фотографии и которые в природе дают такое пленительное сочетание, что хочется вновь и вновь видеть его своими собственными глазами!